

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

После фильма «Калина красная», где Георгий Бурков сыграл Гу-бошлепа, ему не давали прохода бывшие зэки — принимали за своего. Когда одна за другой стали выходить рязановские не-тленки — «Гараж», «Ирония судьбы», «О бедном гусаре за-молвите слово», «Жестокий романс», — облик Буркова и его фразочки прочно вошли в народный фольклор. Он казался своим парнем, простым и доступным. А в жи-зни был совсем другим — философом и аскетом, меч-тателем и идеалистом.

События 19 июля 1990 года близкие Буркова до сих пор считают роковой случайностью. Ему ведь было всего пятьдесят семь лет... Сегодня Георгию Буркову исполнилось бы семьдесят. Сейчас бессмысленно кого-то винить. Тогда, 13 лет назад, врачам Первой градской боль-ницы ввели выговор и лишили 13-й зар-платы за то, что они не смогли спасти арти-ста Буркова. Хирург из соседнего корпуса шел к нему шесть часов, чтобы поставить точный диа-гноз. Хотя, опоздай он еще на шесть часов или приди вовремя, ничего бы не изменилось. В боль-нице все равно не было нужной аппаратуры. В та-ких условиях траектория сгустка крови в челове-ческих сосудах непредсказуема и, стало быть, фа-тальна... И все-таки вдове Буркова Татьяне Ухаро-вой иногда кажется, что его можно было спасти.

Татьяна Ухарова (слева) и Маша (справа) вдвоем растят маленького Жору Буркова. Сейчас ему 10 лет.

Могилу на Ваганьковском вывернуло наизнанку

Жестокие выходы судьбы не закончи-лись даже после смерти артиста. Когда ле-том 1998 года на станице обрушился ура-ган, от стихии пострадало и Ваганьковское кладбище. Могилы Георгия Буркова по-страдала особенно сильно: исполинский ствол, опрокинутый ветром, своими корня-ми буквально вывернул могилу наизнанку. На месте упавшего дерева зияла глубокая дыра, виднелись остатки гроба. Зрелище было страшное.

Пока Татьяна металась по кладбищу, пытаясь договориться с рабочими, вокруг уже собрались зеваки. Распилить и вывез-ти огромный ствол оказалось не так-то просто: нужно было дожидаться, пока вокруг разберут за-валы. Дочь Буркова Маша привезла дерна, чтобы хоть как-то прикрыть проем. Стоило ей подойти к могиле, как ноги провалились по колено, — ка-кой-то добродетелью слегка присыпал яму землей. Любопытные ваганьковские бабушки хором за-причитали: «Ой, плохая примета, ой, плохая!» Ма-ша помнит, как от горя и гнева потемнело в гла-зах. Хорошо, что рядом был друг, который шуга-нул кладбищенских кликуш.

А потом в одной из газет появилась разобла-чительная статья: о том, как администрация кла-дища обратилась к вдове Буркова с просьбой привести могилу мужа в порядок, а вдова обруга-ла администрацию неприличными словами. Ко-гда Татьяна Сергеевна увидела ту газету, у нее случился сердечный приступ.

Такие дни люди называют черными. На чер-ный день всегда что-то откладываются. А вот Тат-ьяна ничего не скопила. Да и муж ее тоже не ско-пил — ни денег, ни друзей. Хотя дружить он умел по-настоящему и никогда не оставлял в беде тех, кто был ему дорог.

Маша хорошо запомнила один день из детст-ва — как они с папой поехали на юбилей к Сергею Бондарчуку. Он тогда уже был в опале, от него от-вернулись бывшие соратники, его имя поливали грязью. Георгий Бурков всегда относился к Бо-ндарчуку с теплотой и уважением, и ему было пле-вать на общее мнение. «Представляете, — вспо-минает Маша, — юбилей человека такого ма-сштаба отмечался в каком-то замшелом ДК, по-моему, имени Державинского. Маленький зал, тус-клый свет, кучка людей — в основном простые граждане, поклонники таланта. Из коллег — один только папа. Больше никто не пришел. Я помню, мне, девочке, было так жалко Сергея Федоровича — невыносимо!» Кто бы мог подумать, что и са-мого Буркова ждет похожая участь.

Когда Георгий Иванович умер, Министерство культуры выделило сорок рублей на венки и — «аминь». А его жена и дочь — две драматические актрисы — сидели без работы. Вместе с мамой Буркова и его внуком, маленьким Жориком, они оказались почти без средств к существованию. Большинство «закадычных друзей» сразу после смерти Буркова забыли его домашний телефон. На похоронах не появился никто из его учеников.

Он был человеком невероятно добрым, мяг-ким, порядочным почти до неприличия. К нему тя-нулись люди. Удивительно, но при этом настоя-щих друзей у него оказалось катастрофически мало. Один, самый близкий, — Василий Шукшин — опередил, умер первым. Тогда, в 1974 году, на съемках фильма «Они сражались за Родину», Бу-рков зашел в каюту к другу (группа жила на паро-ходе) и обнаружил его мертвым. Георгий Ивано-вич долго в оцепенении стоял на палубе, не решая-сь никому сказать о смерти Шукшина.

«Трудно описать, что их связывало, — рас-сказывает Татьяна. — Это как любовь, как выстрел. Однажды он пришел и сказал: «Я встретил Человека». Знакомых было много, но соратников по духу не было. Я видела, как они с Василием Макаровичем общались на пароходе, — это выше всего. Они могли молчать вдвоем, один начинал фразу, а другой уже заканчивал. Шукшин удиви-тельно чутко воспринимал Жору. Он его понял —

Георгий Бурков и Петр Вельяминов: партнеры в кино, родственники по жизни.

Георгий Бурков и Петр Вельяминов: партнеры в кино, родственники по жизни.

первый и единственный. Они вместе вынашивали идеи создания нового театра».

Однако дружба с Шукшиным не всеми вос-принималась однозначно. Виталий Яковлевич Вульф, с которым Буркова связывали взаимная симпатия и теплые отношения, вспоминает: «Од-нажды ночью мы с Жорой и с Таней Ухаровой ока-зались на площади Маяковского. Я торопился, метро закрывалось, но мы стояли и разговари-вали часа два. Жора говорил о Шукшине. Конечно, посмотрев «Калину красную», я не мог не согла-ситься, что это очень талантливый человек, да и фильм прекрасный. Но с одной оговоркой: «Нет во мне потрясения. Нет — и все, что ты от меня хочешь?» Бурков готов был меня убить! Он требо-вал, чтобы я относился к Шукшину так же, как и он. После смерти Жоры мне было очень обидно, что в результате многие рассматривали его как чело-века при Шукшине. А он сам был личностью со-вершенно неординарной и очень глубокой».

И был у Буркова еще один друг — настоящая надежда. Виктор Мызников, ровесник, земляк-пермяк. Они дружили с детства. В 1941 году оба пошли в первый класс. Виктор всегда был рядом, всегда готов помочь — и по хозяйству, и на даче. После смерти Георгия Ивановича именно он стал опорой для семьи артиста в трудные моменты.

Артист упорно боролся с дефектом речи

Жора Бурков приехал покорять Москву 32 лет от роду, что называется, из глубинки. К этому вре-мени он успел несколько раз подряд провалиться во МХАТ и в ГИТИС, поступить на юрфак универ-ситета в родной Перми, быстро его бросить, по-работать в нескольких провинциальных театрах.

Высшего образования у Буркова не было, ак-терского — тоже. Его регулярные провалы на эк-заменах в театральные вузы объяснялись просто. «С точки зрения профессионалов, — считает Ви-талий Вульф, — у Жоры был определенный де-фект: он не очень хорошо разговаривал. Это не шепелявость и не картавость, а довольно своеоб-разная, не всегда разборчивая речь. Иногда ее можно заметить и на экране. От внимания коллег его недостаток тоже, разумеется, не ускользнул, некоторые даже высказывали ему в лицо. И он изо всех сил боролся с ним, он ведь был настоя-щий трудолюбивый, очень много работал над собой».

Еще в юности, страстно мечтая о професси-и актера, Бурков разработал план самообразования. До ночи пропадал в городской библиотеке, заглядывая книги, как удав — калорийных кроли-ков. «Это только внешне Жора шалтай-болтай был, а по сути — энциклопедия ходячая. Не имея диплома, он знал больше инго профессора», — утверждают все его близкие. Однажды на концер-те перед милиционерами Бурков признался: «Я

вас боюсь с юности, стоит только форму милиционерской увидеть. Ко-гда я нигде не работал и возвра-щался поздно вечером из библи-отеки, то всегда боялся, что меня остановят и за-берут за туннельство».

Таким вот самородком-самоучкой и попался он на глаза главному режиссеру Театра имени Станиславского Львову-Анохину. Бурков пока-зался художественно в роли Поприщина из го-голевских «Записок сумасшедшего» и был принят в труппу. Ему дали место в общежитии и роль в новой постановке. Но утром в день премьеры в общежитии неожиданно объявился приятель из Кемерово. Встречу решили обмыть... В результа-те первую в жизни Буркова столичную премьеру пришлось отменить. Директор театра тут же вы-весил приказ об увольнении новичка. Спас его Львов-Анохин, которому было жаль терять та-лантливую артиста. Он уговорил директора дать Буркову шанс: оставить его в театре на испыта-тельный срок, но не в штате. Оклад в сто рублей Борис Александрович обещал выплачивать Бу-ркову лично. В день первой полочки Бурков посту-чался в кабинет главрежа, Львов-Анохин смотрел на него с непониманием. «Зарплата сегодня!» — печально напомнил артист. Борис Александрович покраснел, засуетился, полез за кошельком и от-считал деньги. Бурков, глядя в пол, принял купю-ры. Обойм было неловко...

Больше Георгий Иванович на протяжении всей жизни никогда не говорил о деньгах. Этой темой для него не существовало. В быту он был не-прихотлив, его не интересовали вещи. Его одеж-дой занималась жена — покупала ему галстуки, рубашки. Искала портного, чтоб сшить Жоре при-личный костюм. А Жора был абсолютно все равно, что на нем надето. Он был удивительно до-машний и семейный человек. «Я не знаю не то чтобы романа, даже ни одного легкого увлечения, — говорит Виктор Мызников, — Жора был совер-шенно не хитрый. Семья, Таня, дочка — вот что он любил. Ел только дома, терпеть не мог банкеты».

В загсе Жору развезло, и он начал падать

Они познакомились в театре имени Стани-славского. Таня работала там и училась на пер-вом курсе Шукшинского училища. Коллеги рас-сказали ей, что в труппу взяли странного артиста — шепелявого, из провинции, но очень забавного, талантливого. «В одном спектакле я должна была играть дочь, а Бурков — отец, — рассказывает Ухарова. — Стою я у доски объявлений, смотрю — вроде рядом он. Он очень смешной был! Одежду ему шила мама. У них были невероятно нежные отношения, и Жора считал — раз мама одела его, значит, так и нужно ходить. На нем были суконные

Сергей Бондарчук, Георгий Бурков и Василий Шукшин.

Георгия Буркова называли растлителем

ТРАЕКТОРИЯ СМЕРТИ

брюки, красный свитер в белую точку, а сверху — фиолетовый пиджак в клетку. Очки, волосы набок, губы эти его... Я говорю: «Вы Бурков?» А он мне: «А вы — Ухарова? Значит, будем вме-сте играть?» И начались отно-шения, сначала больше по-хожие на дружбу. Он был та-кой наивный! Просто якиби-нец! А потом он сказал: «Я хочу, чтоб ты вышла за ме-ня замуж». И я сразу отве-тила «Да». До сих пор считаю, что для меня лучше-го мужчины не существу-ет. В театре все посмея-лись, многие не понима-ли моего выбора. А когда он сыграл свою первую роль — тут все схвати-лись за голову. Никто не мог предположить такой степени таланта.

Свадьба у нас была потрясающая! На мне — выпускное платье и рва-ные туфли, я все время палец прятала. Ему тоже еле-еле нашли рубашку. С утра я пошла в парик-махерскую, и мне сооруди-ли кошмарную «корзи-ночку». Возвращаюсь, а Жора с другом уже не-множко навеселе. Вдруг он говорит: «Я не пойду с то-бой никуда, если не смоешь свою прическу». Я, плача, по-шла мыть голову. В загсе его еще сильнее развезло, на-строение у меня — ужасное. Когда сказали: «Жених, можете поцеловать невесту», Жора стал на меня падать! Он же выше меня намного. Я его поддержи-вала, тетка из загса сделала безумные глаза, а он, поняв, что падает, стал меня обнимать, схватил в охапку. Это сейчас я весело рассказываю, а тогда мне не до смеха было. Я же сбежала с собственной свадьбы.

Мы приехали домой, он стал очень смешно рассказывать гостям про мою прическу. Я тогда его хорошо не знала, не понимала, что он ерничал над собой. Его рас-казы показались мне жутко обидными. В серд-цах скопалась свистельство о браке — оно до сих пор маячит — выкинула в окно и ушла. Сходила в цирк, вечером брела домой и думала: как же я те-перь войду? А он открыл дверь и сказал: «О, жена моя вернулась!» Так радостно, будто ничего не было. На следующий день рано утром я пошла на рынок, пригостила ему суп с белыми грибами и так вот двадцать пять лет и готовила. В быту он был беспомощен до безобразия. Однажды я на три дня задержалась на даче, еду на каждый день разложила по полочкам. Когда вернулась, на stole стояли три скорородки из-под яичницы».

Первое время семья жила в страшной бед-ности. Танины родители не поняли их брака: за-чем он ей нужен такой — из провинции, без де-нег? К тому же ему 32, а ей всего 19. Пришлось молодым скитаться по углам. Татьяна взяла из те-атра режиссерский матрас, на нем и спали. Бурков только начал работать и получал за спектакль рубль пятьдесят. Если не находилось пяти копеек на метро, иногда шли на работу пешком от метро «Аэропорт». Рядом с театром была любимая со-сисочная, где один друг кормил их сосисками. Та-ня была худенькая, юная, выглядела как пионер-ка. Когда она забеременела, прохожие на улице стыдили Буркова и называли его растлителем.

«Я в белом, а вы все — в дерьме!»

Жора с детства был блестящим рассказчи-ком. Его всегда слушали, раскрыв рот. С возрас-том он стал меньше балагурить, все чаще пред-почитал остаться наедине с книгой. Но иногда на съемках или за кулисами на него находило на-строение, и он начинал травить байки. Вот одна из его любимых историй: съемочная группа при-ехала в маленький городок, лето, жара градусов 40. Вместе с Анатолием Папановым они пошли в местный продиог. Видят: на лавочке сидит алкаш и пьет из бутылки водку редкого провинциально-го сорта. Они его спрашивают: «Ну как, мужик, водка-то хорошая?» А она не теплая даже, она го-рячая... И тут Жора показывал, как лицо алкаша расплывалось в блаженной улыбке. И сладко жмурясь, он отвечал: «При-ятна-я-я».

Выпить Георгий Иванович любил. Этого ни-кто из близких не отрицает. Но так, чтобы запой-но, чтобы дым коромыслом, — нет, никогда! Нае-дине с собой Бурков был гораздо более откровен-ным. В 1973 году он написал в дневнике: «Вот уже скоро месяц, как меня лечат от хронического ал-коголизма. Лечат все. Начиная от жены и кончая доктором К., общепризнанным авторитетом на алкогольном фронте. С врачами я беседую сдер-жано, всячески выгораживая себя и облагора-живая свои запой».

Когда на Буркова обрушилась популярность, он уже был человеком зрелым, но голова у него слегка закружилась. Он попал в центр внимания, вокруг него все закружилось. Он не мог поверить,

что теперь это — его жизнь. Татьяна любит вспо-минать один смешной эпизод: у Сергея Соловье-ва Георгий Иванович снимался в картине «Пред-ложение» вместе с Анатолием Папановым и Ека-териной Васильевой. Отличная была компания — все молодые, веселые. Однажды Бурков явился домой после съемки очень поздно, жена его жда-ла, внутри уже все клокотало, открыла дверь, а он стоит — в канотье, в белом смокинге, нога за но-гу, в руке тросточка — и улыбается: «Ну, и что я го-ворил? Я в белом, а вы все в говне!» Больше она не могла сердиться.

Но крах быстро сменился разочарованием. Он мечтал о Дон Кихоте и Гамлете. А ему предла-гали роли недотеп и пьяниц. Были блистательные работы в театре — «Волки и овцы» в театре Станиславского. Одну из крупнейших ролей — Мико-лу Задорожного — Бурков сыграл в спектакле Ро-мана Виктюка по пьесе Ивана Франко «Ураден-ное счастье». Позже, тоже в спектакле Виктюка по пьесе Радзинского «Старая актриса на роль жены Достоевского», Бурков играл с Дорониной, и это был лучший спектакль МХАТа в то время.

А он хотел большего, он был готов к любым горизонтам. «Играть я имею право только роли масштабные и годные для открытий», — писал в дневнике. Но открытия ему приходилось делать там, где позволяли режиссеры. И он не мог на них не обижаться.

Бурков ушел от Ефремова, и никто так нико-гда и не узнает почему. Оба они ни разу не обмол-вились о причинах разлада. Не смог простить не-справедливости Татьяне Дорониной: из-за ин-фаркта он не поехал на гастроли на Украину, а она после спектакля сказала: мол, артист Бурков не приехал, потому что испугался радиации. Геор-гий Иванович был потрясен. Даже на Рязанова ко-пилась обида, особенно в последнее время, в пе-риод картины «О бедном гусаре...». Бурков меч-тал о роли Афанасия, но ее получил Леонов — у Эльдара Александровича было свое видение. Он очень любил Жору, но не представлял его как главного героя. Артист страшно обижался, что ему дают не те роли. Последняя роль, которую Рязанов предложил Буркову, была та, главная. Сценарий ему принесли уже в больницу, он страшно обрадовался. Но она так и не состоя-лась. Потом ее сыграл Валентин Гафт — хромой президент нищих в «Небесах обетованных».

О своих обидах Георгий Иванович никогда не говорил вслух. Многие стало ясно лишь из его дневников. Разбирая бумаги мужа, Татьяна про-чала много суровых слов — и о тех, кто жив, и о тех, кто умер. Бурков очень жестко писал о том, что творилось в «Современнике». Но он не собирался обнародовать свои записи. Поэтому изрядная их доля не вошла в книгу «Хроника сердца»: за скоб-ками осталось все, что могло кого-то задеть.

Была у него еще одна тайная боль — дочка Машенька. «Она так похожа на Жору, — говорит Татьяна. — Сосредоточенная, созерцательная, домашняя, не настырная. И очень хорошая актри-са. Она дочь своего отца, и иногда мне кажется, что это плохо для нашего времени». Бурков жутко переживал, когда Маша не поступила в театраль-ный. Не знал, как ей помочь, но оказывать protec-цию дочери считал просто неприличным. В итоге она сама поступила в Школу-студию МХАТ. Но выпустилась как раз в тот момент, когда артисты были никому не нужны. После смерти отца Машу Буркову взяли в театр Станиславского, но судьба ее там не сложилась. Сейчас Маша вынашивает планы создания фонда имени Буркова — для помощи артистам, приехавшим из провинции.

В личной жизни у нее тоже не все гладко. Ро-ман с сыном Петра Вельяминова Сергеем закон-чился браком, но, увы, — недолгим. Когда Маша была беременна, они с мужем разошлись. Сергей отказался от прав на ребенка, и маленький Жора носит фамилию Бурков. Внук появился на свет в родильном отделении Первой градской больни-цы — той самой, где умер его дед.

Бурков был уверен, что его посадят в тюрьму

На здоровье Бурков никогда не жаловался, терпел и молчал, даже когда последнее время плохо себя чувствовал. А в дневнике писал: «Нам кажется, что смерть у нас впереди. А она обско-на, она все время с нами, мы идем вдоль нее...» Од-нажды сказал жене не то всерьез, не то в шутку: «Я живу лишние два года. Тащишь меня своими травмами...» И все чаще мелькала в его записях одиозная фраза: «Аннушка уже купила подсол-нечное масло».

В первый раз он попал в больницу в 1988 го-ду с ишемической болезнью сердца. Тогда он пробивал Центр Шукшина, по кабинету ходит не любил и не умел, страшно нервничал, и это сказалося. У него было несколько микроинфарк-тов. Один из них он наверху получил, играя спек-такль «Так победим!», когда в ложе сидел Бреж-нев. У Брежнева сломался слуховой аппарат, он ни слова не слышал и громко задавал вопросы: «Что он только что сказал? Почему все смеются?» Бурков весь побелел, подошел поближе к ложе, но ничего не помогло. В последний раз он попал в больницу с переломом бедра и так оттуда и не вышел... «Аннушка» подстергала его в самом, ка-залось бы, безопасном месте. Он упал дома в собственной библиотеке, потянувшись за книж-кой на верхней полке. В больнице выяснилось, что из-за перелома оторвался тромб.

«Я не разбираюсь в медицине, не знаю, нуж-но было делать ту операцию или не нужно», — го-ворит Татьяна. После операции Бурков вроде по-шел на поправку, но потом ему стало хуже. Его пе-ревели в реанимацию. Маша помнит, как травма-толог опустил глаза, выйдя в коридор, где они с мамой ждали страшного приговора. 19 июля 1990 года тромб попал в легочную артерию...

После похорон в личных бумагах Буркова об-наружился странный документ: программа дей-ствий на будущее аж до 2001 года. Человек рас-планировал свою жизнь на одиннадцать лет впе-ред! Он многое хотел успеть. Мечтал снять кино-трилогию: первая часть — «Малая халтура» — о театральной жизни в провинции; вторая часть — «Большая халтура» — уже о театре в Москве; а третья, не связанная ни с чем, — о том, как ком-партия уходит в подполье и за городом собирает свои съезды. Он часто говорил жене: «Не боится, сначала меня посадят в тюрьму, а потом дадут «Оскара». Он был настоящий якибинец.

Катя ПРЯНИК.